

И.В. КУКИНА

Kukina Irina.
Contemporary World's
Architecture, 2/2019.
Pp. 188–206

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕНОВАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 711.719

DOI 10.25995/
NIITAG.2020.13.2.027

Развитие современного города подвержено влиянию изменений профессионального сознания, технологий, противоречий существующих регламентов сохранения и развития исторически ценных ареалов, во влиянии «глобалистских» и «региональных» подходов к реконструкции населенных мест. Противоречие заложено в федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ), предусматривающем объектный подход к определению памятника культуры, но не процесс, традицию и форму ее воплощения в материальной среде. В практическом градостроительстве реконструкции подвергаются транспортные системы, инфраструктуры, промышленные и иные зоны и т. д., закладывается технологичный процесс будущего функционирования города. При этом динамика современного градостроительства такова, что материальная история города становится одной из востребованных сил устойчивого развития. На современном этапе градостроительства усиливаются региональные ценности, восстанавливаются и сохраняются традиции при использовании новейших технологий во всех областях знаний и практической деятельности.

Ключевые слова: реновация, региональные ценности, исторический город.

Кукина Ирина Валерьевна — кандидат архитектуры, Сибирский федеральный университет, профессор; филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, старший научный сотрудник.
E-mail: ikukina@inbox.ru

I.V. KUKINA

THE IMAGE OF A MODERN HISTORIC CITY: GLOBAL TRENDS IN THE RENOVATION OF REGIONAL VALUES

The development of a modern city is influenced by changes in professional consciousness, technologies, in contradiction to existing regulations for the preservation and development of historically valuable areas, in the influence of «globalist» and «regional» approaches to the reconstruction. Contradiction is laid down in the federal law «On objects of cultural heritage (historical and cultural Monuments) of the nations of the Russian Federation» (No. 73-FZ), which provides for an object approach to defining a heritage but not the process, of its embodiment in the city. In urban design and planning, transport systems, infrastructures, industrial and other zones, etc. are being reconstructed, and a technological process is being laid for the future functioning of the city. Moreover, the dynamics of modern urban planning is such that the material history of the city becomes one of the sought-after forces of sustainable development. At the present stage of urban development, regional values, local features are strengthened, traditions are restored and preserved using the newest technologies in all areas of knowledge and practice.

Keywords: renovation, regional values, historic city.

Kukina Irina — Ph. D. In Architecture, Siberian federal University, professor of the Department of urban design and planning, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Federal State Budget Institution "Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia", senior research fellow

Пространственное развитие современного города подвержено влиянию изменений профессионального сознания, промышленных, информационных и проектных технологий, противоречий существующих регламентов, законов и методик сохранения, приспособления и развития исторически ценных ареалов и во взаимном влиянии «глобалистских» и «региональных» подходов к реконструкции населенных мест и регионов. В частности, такое противоречие заложено в федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ), предусматривающем объектный подход к определению памятника культуры, будь то памятник архитектуры либо территория (ландшафт), но не процесс, уклад, традиция и форма ее воплощения в материальной среде. В практическом же градостроительстве реконструкции подвергаются транспортные системы, инфраструктуры, промышленные и иные зоны и т. д., закладывается технологичный процесс будущего функционирования города. При этом динамика современного градостроительства такова, что материальная история города становится одной из востребованных сил устойчивого развития, во многом неожиданной.

Как известно, Повестка дня на XXI век, принятая в 1992 году на основе согласия, достигнутого на конференции ООН (Саммит Земли) в Рио-де-Жанейро представителями 179 государств, предусматривала всемирное сотрудничество, направленное на достижение двух целей — высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. Спустя двадцать лет на саммите «Рио+20» в Повестку внесены изменения, ориентированные на действие локальных сообществ, планирование «снизу вверх», сотрудничество местных сообществ и властей. В 2002 году, в рамках первого Всемирного форума культур в Порту-Алегри, возникла идея создания руководящих принципов для местной (локальной) культурной политики. Это первый документ, адресованный мировому сообществу, в котором закладываются основы развития городов и муниципальных образований через культуру, традиции. Изменения появились вследствие признания усиливающейся глобализации, которая далеко не всегда содействует прогрессивному развитию населенных мест, стирая историю, память, традиции в том числе и вследствие утраты памятников культуры, нивелирования архитектурной среды. Так, в конце XX века процесс архитектурно-градостроительной «глобализации» обогатился новой чертой — глобальными становятся единожды проявившиеся неожиданные социальные явления, ломающие представление об устоявшемся городском образе жизни и структуру города за счет, например, технологий цифровизации, перераспределения сфер занятости и физических мест приложения труда и др. Появились архитектурные фирмы, захватившие пьедестал крупномасштабных градостроительных

конкурсов и проектов. Например, архитектурные аттракторы Гери, Хадид, Либескинда, Колхаса, Пиано, Фостера и другие были призваны срочно поднять статус конверсионных территорий городов и стран. «Вест 8», «Неоплан», «Уолкер и партнеры», «Берлин XXI», «Тюринскейп», КСР и др. — постоянные участники и призеры всех возможных конкурсов на проекты реновации, реурбанизации, «вторичного использования» городских территорий, стратегий и развития генеральных планов, в том числе «глобальных» городов. Безусловно, обладая своим лицом, стилем, почерком, их произведения становятся узнаваемыми, брендом творца, но не локальным явлением, приобретают мировой масштаб — происходит массированный экспорт архитектурных идолов.

И наконец еще спустя десять лет в ответ на глобализацию экономики появилась «Локальная повестка» с конкретной методикой действий. Ее методы включают опросы общественного мнения, прозрачность инициатив, активное стимулирование заинтересованности жителей городов в преобразовании собственной среды жизнедеятельности. «Локальную повестку» с известной степенью допустимости следует считать инструментарием, методом воплощения ранней инициативы ООН — ЮНЕСКО. История военно-политических конфликтов первой половины XX века обнажила хрупкость культурного наследия, создаваемого тысячелетиями, вследствие чего и возникла организация ЮНЕСКО. В документах последней дано определение «места» как особой, уникальной категории мировой культуры, обладающей ценностью и неповторимостью на каждом историческом этапе развития. Список охраняемых объектов ЮНЕСКО включает их внушительное количество. Причем важным аспектом является сохранение не просто архитектурной формы, но и активного функционирования охраняемых целостных градостроительных территорий. В отечественной практике урбанистические, ландшафтные ареалы как памятники культурной истории остаются все больше предметами научных дискуссий. В исторической науке, как правило, исследуются архитектура, сложившиеся градостроительные ансамбли или исторические города определенного этапа развития, в прикладных исследованиях и практическом градостроительстве — функциональные зоны, структура и инфраструктура населенных мест. Для сохранения культурного наследия разработаны требования к охранным зонам. Считается, что достаточно строгие регламенты строительной и хозяйственной деятельности в их пределах как раз и обеспечат некую среду восприятия исторически ценной застройки. Вопрос об уникальности, сохранении градостроительной структуры как объекта культурного наследия в отечественной практике рассматривается редко, еще реже возникают поводы для градостроительного проектирования территорий, связующих исторические и современные районы. Редкими остаются проекты реновации

исторической среды, включающие сбалансированные решения сохранения объектов культурного наследия и одновременно позволяющие полноценно развиваться особо ценным ареалам в структуре города. В мировой практике к настоящему времени накоплен некий опыт стратегического и практического градостроительного проектирования как по сознательному «обострению» локальных черт, так и удачной реализации реновации, приспособления для нужд современного города памятных районов населенных мест и ландшафтов.

В глобалистском подавлении обостряется необходимость локальной идентификации. С точки зрения архитектурной науки можно выделить несколько методологий определения уникальности места, имеющих свою историографию и объективную обоснованность возникновения и развития от концепции до теории и далее применимости в прикладных разработках. По укрупненным группам исследований можно условно выделить: исследования морфологии культурного ландшафта; физико-географические исследования уникальности урбанизированных территорий; архитектурно-типологические исследования; исследование традиций, «действенных акций и инициатив» в привязке к населенным местам.

Различные методики исследования архитектурно-градостроительного наследия, ориентированные на его сохранение, реконструкцию и реставрацию, широко представлены как в отечественном, так и в зарубежном опыте. В частности, сайты зарубежных научных ассоциаций, занимающихся исследованием различных аспектов истории развития городов: ISUF (“International Seminar on Urban Form”), IPHS (“International Planning Historical Society”), серия электронных журналов “Taylor&Francis Online” (“Planning Perspectives”, “Urban Studies”, “Humanities” и др.) — предоставляют широкую палитру публикаций результатов научных исследований национальных школ многих государств. Отдельные методики исследования архитектурно-градостроительного наследия, ориентированные на его сохранение, реконструкцию и реставрацию, представлены в различных докладах исследователей: о методе Муратори (Ж.К. Калтали), о методе итальянской школы (Н. Марзот), о методе английской школы (П. Ларкхам), о сравнительной истории различных исследовательских школ (Дж. Вайтхэнд). Практически каждый автор в качестве основного вывода приводит недостаточность комбинирования исследования и реконструкции, реновации архитектурно-градостроительного наследия и связанности ее с прикладными исследованиями в области архитектуры, градостроительства, экономики. Методология анализа объектов многоуровневой реновации исторически ценной городской застройки основывается на теории урбоморфологии, ее основных концепциях: ландшафтном районировании; точках (ядрах) историко-культурного развития территорий города; идентификационных процессах, связанных с теми

или иными традициями, получившими архитектурно-культурологическое воплощение и характеризующими регион; концепции внутренних окраинных колец (в отдельных исследованиях определенных или совпадающих по смыслу с маргинализированными, или конверсионными, или трущобными, или джентрифицированными и др., — перечисленные устоявшиеся определения физических состояний в большинстве своем историко-культурных территорий города требуют отдельного критического сопоставления). На страницах журнала “Urban Morphology” в «британской школе» урбоморфологии в 1998–2002 годах состоялась дискуссия о допустимости заимствования или адаптации терминов биологической концепции эволюции (Кропф, 1998; Мэлфрой, 1998; Ларкхэм, 1999; М. Хопкинс, 2002). Цель полемики — установить связи урбоморфологии и одной из наиболее важных частей биологической науки — урбоэкологии. Исследователи, опираясь на фундаментальные первоисточники, авторами которых бесспорно признаны К. Тролль (1971) и Э. Нееф (1967, 1981), дополнительно подтверждают значимость исследований закономерностей взаимодействия природного и антропогенного факторов в формировании индивидуального облика каждого типа ландшафта города. Несмотря на то, что дискуссия в большей степени ушла в обсуждение решений открытых пространств градообразования как отдельных типов городских ландшафтов, были сделаны родственные отечественным общие выводы о системном подходе к ландшафту города, его содержанию и типологии. Выводы исследований подтверждают, что изучение процессов и закономерностей формирования «урбоформы»: планировочного рисунка, ткани городской среды, ее архитектурных доминант и акцентов в исторической последовательности — неминуемо включается в единый системный процесс изучения ландшафта города.

В практическом градостроительстве разворот в сторону преимущественно реконструкции и сокращения нового масштабного строительства происходит в 70-е годы прошлого столетия и связан с радикальными изменениями в сферах технологий, экономики, масштабы которых внесли значительные изменения и в стиль, ритмы жизни обывателей и до настоящего времени влияют на изменения структуры городов. «Рождается цивилизационный уклад, изменяющий условия и формы производства, быта, досуга, а вместе с ним — психологию людей, их мировосприятие. Рядом с реальными стали возникать виртуальные миры, образы которых влияют на сознание и поведение, становясь не только моделями, но и частью реальности. Трансформация категорий культуры и систем ценностей предопределяет новую постановку проблем пространственной организации общества и его среды, меняется постановка целей и задач архитектуры... постиндустриальная цивилизация стремится распространять новые технологии на весь мир, расширяя сети информационного обмена. Она

побуждает глобализационные тенденции, которые, однако, должны направляться и контролироваться, чтобы избежать подавления национальных и местных культур, нового наступления обезличивающей унификации — теперь уже на уровне более глубоком, чем в индустриальную эпоху. Конфликт особенно болезнен для архитектуры, которая не может игнорировать процесс технологий постиндустриальной эпохи, но привязана к пространственным и историческим контекстам национальных и региональных культур»¹.

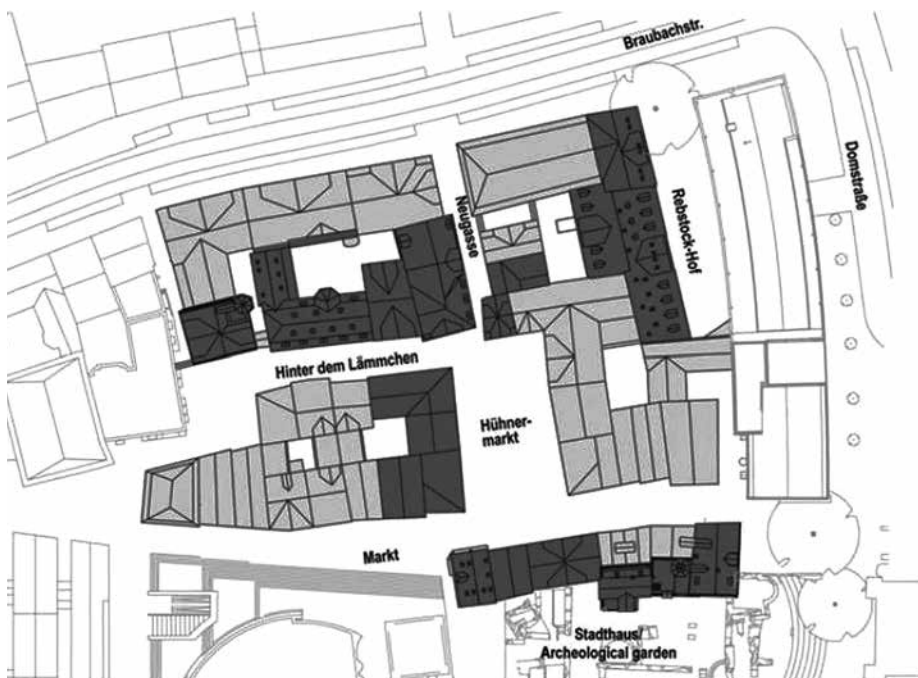
В этот период экономический кризис и ориентация на устойчивое развитие привели к формированию некоторых методик реновации городов, направленных не только на стабилизацию экономической ситуации, но и на глубинное осознание культурологических основ каждого населенного места, его уникальности. Региональные центры во внимании архитектурно-градостроительной сферы оказываются именно потому, что, будучи большей частью «столпами экономики» в конце XX века, претерпевают структурные изменения. В целом наметилась некая иерархия объектов

1. Генплан района ДомРёмера, 2016 г. (арх. DomRömer GmbH and Schneider + Schumacher Architekten) Темно-серым показаны объекты реконструкции (Nebojsić & Co amprag in *Museumification of Historical Centres: The Case of Frankfurt Altstadt Reconstruction*)

2. «Восстановленный» силуэт жилой улицы в старом городе Франкфурта-на-Майне (фотоархив И.В. Кукиной)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иконников А.В. *Архитектура XX века: Утопии и реальность*. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 22.

многоуровневой реконструкции городов: региональный центр в проектах реновации и стратегиях развития рассматривается в системе агломерации с целью достижения компактного, плотного города, исключения экстенсивно используемых земель как внутри города, так и в агломерации; в структуре города подвергаются реконструкции элементарные жилые планировочные единицы, «провалы градостроительной ткани» различного происхождения: конверсионные предприятия и территории, порты, береговые линии, железнодорожные пути и вокзалы и прочее с целью создания транспарентной среды; установлен ряд континуальных территориальных объектов, призванных связывать сегрегированные структуры города; определен особый вид промышленного ландшафта, связанный с нефтяной отраслью хозяйствования, обладающий глобальными чертами, так называемый «петролеумшафт». Формируется тенденция «коммуникативного историзма» в реконструкции образа исторического города в современном понимании динамично «работающего» на благосостояние жителей, на комфорт среды обитания, на ментальную идентификацию, на брендинг города.

В связи со сказанным интересен опыт развития Франкфурта-на-Майне (Германия). По сути, город представляет собой объект, где практически реализованы почти все описанные выше методики реконструкции (илл. 1, 2, 3).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

3. Юго-западный фрагмент окраинного пояса Франкфурта-на-Майне. Информационный плакат на улице (фотоархив И.В. Кукиной)

4. Юго-западный фрагмент окраинного пояса Франкфурта-на-Майне. Водопады карманного парка, падающие со средневековой стены (фотоархив И.В. Кукиной)

Формирование панорамы исторического центра Франкфурта-на-Майне нельзя назвать в полной мере реконструкцией, поскольку речь идет даже не о воссоздании почти полностью разрушенного бомбардировками старого города, а о новом объекте, привлекательном для туристов и смягчающем холодный финансовый деловой центр Евросоюза. Идея исторического центра заключается в музеефикации места возникновения города от эпохи пограничного военного поселения римлян, крепости Каролингов: введение общественных функций и зданий нетуристического толка, восстановление панорамы улиц в строгой парцелляции доменных домовладений, высоты и контура кровель,

введение жилища, обеспечение мест и пространств для малого и среднего бизнеса. Все меры делают старый город живым, привлекательным для посещения, работы и комфортной жизни обычных горожан, дома которых мастерски отделены стеной музейного комплекса и деловой улочкой, состоящей из жилых зданий с представительствами различных фирм на первом этаже. А главное, заложена стратегия его дальнейшего развития и полноценного функционирования. По перпендикулярным к Майну улицам из старого города попадаем в срединный средневековый окраинный пояс, сформировавшийся у городских стен. По традиции XIX века, после частичной разборки стен вдоль валов образовано «зеленое кольцо», куда в настоящее время вынесены не только общественные пространства, но и частично прилегающие к офисам карманные парки и куда даже заходят дворцовые пространства. Разнородные функции объединены общей идеей рекреации активной и тихой, игровой и созерцательной, мастерски разделены пластикой искусственного ландшафта. Интересно, что у бывших стен средневекового города концентрируются деловые здания. Внутри города «от ворот до ворот» сохраняется торговая пешеходная улица, но уже в современной архитектуре и масштабах торговли (илл. 4, 5, 6).

Другим примером, скорее театрализации истории города, следует считать Фрайбург (Германия). Удивительно, что этот город приводится в исследованиях ассоциации “Making Cities Livable” (IMCL) как хрестоматийный пример удачной реновации исторического центра, где достигнут и экономический, и социальный эффект. Во многом исследователи правы,

если не учитывать, что за сохраненными и отреставрированными фасадами жилых улиц скрываются современные пространства преимущественно торговых центров, выполненных в современных железобетонных конструкциях. Центр города живет за счет действующего кафедрального собора, рынка на соборной площади, трамвая, проходящего по главной улице старого города. Но по сути это огромный торговый центр, ресторанный комплекс (илл. 7, 8).

Масштаб трансформаций в среде городов наводит на мысль о том, что в настоящее время можно рассматривать два принципиально разных методологических подхода к реконструкции градообразований. Первый формируется с середины XX века, связан преимущественно с реконструкцией культурного наследия и, как правило, затрагивает исторические города и исторические центры динамично развивавшихся промышленных городов. Для него важно определение памятников архитектуры, истории, культуры, охранных зон, исторической среды и сохранения культурного наследия населенных мест в целом. Второй связан со сломом промышленных эпох в последней

5. Фрагмент окраинного пояса Франкфурта-на-Майне. Топиарный сад (фотоархив И.В. Кукиной)

6. Атракторы торговой пешеходной улицы Франкфурта-на-Майне (фотоархив И.В. Кукиной)

7. Ворота во Фрайбург (фотоархив И.В. Кукиной)

6

И.В. Кукина

199

Образ современного исторического города

7

трети XX века, внедрением высокотехнологичного производства, ростом количества и дискретным распределением в пространстве города малых и средних предприятий, перераспределением трудозанятости, потерей социальной и планировочной зависимости селитебных территорий от промышленных предприятий. Промышленные объекты, подвергшиеся конверсии, с одной стороны, пополняют территории перспективного строительства, с другой — они стали объектами для широчайшей палитры проектов реконструкции: реабилитации земель и строительства ландшафтных объектов, вторичного жилища, общественных центров — и просто объектами для захвата разного рода самостоятельными креативными группами. И в данном случае то, о чем мечтали участники Всемирного форума культур в Порту-Алегри в 2002 году, на самом деле, благодаря локальным инициативам проявляется как действенная сила создания уникальной городской среды. М. Баум и К. Кристиансе в книге «Город есть лофт» анализируют самостоятельные инициативы творческих

8. Улочка старого города во Фрайбурге (фотоархив И.В. Кукиной)

групп, устанавливая точкой отсчета уникального мультикультурного взаимодействия 51-й год прошлого столетия в связи с организацией уличной выставки в полуподвальных помещениях промышленной зоны Нью-Йорка, инициированной Лео Кастелли. Событие происходит одновременно с самостоятельным заселением пустующих промышленных предприятий в Сохо в Нью-Йорке. В 1952 году Гарольд Розенберг вводит термин «действенная, актовая живопись» — полагая, что этот вид творчества является публичным, общественным, “The American Action Painters” сопровождается массовыми выставками на открытых пространствах. В 1959 году Алан Карпов определяет «искусство представления» в связи с устраиваемыми им «событиями счастья» по примеру «Симфонии фабричных сирен» Арсения Аврамова (1922). В 1962 году в Амстердаме рождается движение спонтанных акций — «Прово», где даже полиция, вызванная по тревоге, рассматривалась как особая группа актеров урбанистического «действия». Оно охватывает креативные группы, заселившие заброшенные промышленные здания, и, очевидно, заканчивает свое существование в Кристиании в Копенгагене, ассоциируется с прибежищем для малоимущих, наркоманов, асоциальных в представлении обывателей граждан. Но при этом Кристиания, несмотря на негативный окрас, — свободная республика, на территорию которой остерегается заглядывать полиция и куда власти вообще не особенно правомочны вмешиваться, нечто родственное Оранжевому Свободному Государству (можно, наверное, читать и как «Страна Апельсинов»), объявленное основателем движения Роэлем ван Дуйнем в 1970 году. Далее творческий процесс формализуется, и список инициатив сегодня насчитывает более 50. Это действительно уже «представительские» среды рафинированных лофтов в бывших промышленных зданиях, экономически успешные арт-галереи и т. д., «вторичное использование», напоминая недавнюю историю утраченных технологий. Кристианию в зарубежной критике принято приводить как контрастный, но удачный пример по сравнению с осуществленным «мертвым» проектом реконструкции цементной фабрики Бофила в Барселоне.

Слом промышленных эпох привел также к физическому устареванию и разрушениям жилой застройки, деградации среды, бесконтрольному развитию чуждых функций в микрорайонах социалистического периода строительства в странах Восточной Европы, как и в их аналогах: комьюнити в Западной Европе и нейборхудах в странах Северной Америки. При этом в проектной практике повышение качества среды проживания во многом связывается с ландшафтными решениями, с повышением экологической устойчивости жилых территорий и качества жилых объектов, социальной привлекательности. «Жизненная среда является главным фактором воздействия на человека, человеческое мышление.

Именно в жилой среде закладываются социальные и духовные основы личности, что требует особого подхода к ее преобразованию»². Ландшафт жилых территорий становится объектом средового проектирования, источником информации, который воспринимается не только линзой, посредством которой просматривается город, но и средовым звеном, объединяющим людей, их потребности, процессы и пространство во времени. Социогенность ландшафта требует особого взгляда на создание гуманной, физически доступной безопасной жилой среды, способствующей эмоциональному и психологическому развитию отдельной личности и общества в целом.

Отдельной темой для реконструкции просматривается наследие технологичного модернизма 1950–1970 годов. В странах Восточной Европы эта тематика выливается преимущественно в реконструкцию районов массового жилищного панельного домостроения с целью создания комфортной жилой среды. «Жилая среда» — это словесная конструкция, без которой сегодня не обходится ни одна исследовательская, проектная и строительная акция, связанная с жилищной проблематикой. «Смысловая нагрузка указанной словесной конструкции как будто бы очевидна — в привлечении многих факторов, свидетельствующих о высоких качествах жилых образований современных городов: “всеучтенность”, “комплексность”, “гуманность”»³. К.В. Кияненко подчеркивает толерантность средовой установки, способной совместить в себе разные компоненты, объединенные «трактовкой феноменов как “симультантно-синкретических”, то есть происходящих одновременно и неразделимо, — оставляя всякий раз созидающему сознанию, какой фрагмент реальности будет включен в эту целостность»⁴. В монографии И.Г. Федченко приводятся выводы о современных тенденциях развития и реконструкции нейборхудов, микрорайонов и комьюнити. С точки зрения данного исследования следует обратить внимание на следующее: сложился ряд концепций и методик стратегического

ПРИМЕЧАНИЯ

² Федченко И.Г., Унагаева Н.А. Тенденции формирования «экосоциального» профессионального и гражданского мышления в планировании ландшафта жилых территорий // Город, пригодный для жизни: материалы первой Международной научно-практической конференции «Современные проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна». Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2013. С. 256.

³ Крайняя Н.П., Кукина И.В. Жилая среда как объект исследования // Отчет о НИР «Тенденции развития парадигм жилой среды в середине XX — начале XXI века. (Теории, концепции и практика экспериментального проектирования)». М.: НИИТИАГ РААСН, 2011. С. 3.

⁴ Кияненко К. Путеводитель по сферам социального знания в архитектуре и окрестностях // Архитектурный вестник. 2009. № 3 (108). URL: https://archi.ru/press/issue_present.html?id=46 [дата обращения: 14.05.2020]

⁵ Федченко И. Г. Жилые планировочные единицы города середины XX — начала XXI в. Красноярск: СФУ, 2017. С. 104.

планирования развития или реновации жилой среды, избегающих однозначности законченного проекта, но в режиме «адаптивного планирования», «...минималистские пространственные структуры микрорайонов подверглись морфологическим изменениям вследствие конверсии промышленных предприятий, перераспределения в сфере занятости, разрушения иерархии систем обслуживания; появились новейшие комбинированные морфотипы; к концу XX — началу XXI века сформировались тенденции развития жилых планировочных единиц: отступление от функционалистского модернизма; усложнение морфологической структуры; переосмысление сути и содержания общественных пространств; развитие жилых планировочных единиц как социально-административного и микроэкономического элемента города...»⁵

В проектах реновации среды микрорайонов социалистического периода строительства в ФРГ следует выделить попытки воссоздать «устойчивый ландшафт» за счет развития стратегий, адаптированных к местному контексту и ориентированных на управление эффектами экономического реконструирования и развитие использования местосберегающих методов строительства. Актуальна поддержка внутренней политики городских областей по подъему качества жизни, включая сохранение существующих экосистем, создание новых «зеленых» районов и биотопных структур и точное управление городскими экосистемами, особенно в отношении открытых и «зеленых» площадок, воды, энергии и отходов. Проводится регенерация деградирующих пространств, в том числе за счет объединенных действий социальных групп внутри микрорайонов. Последние аспекты политики воссоздания «устойчивого ландшафта» напрямую связаны с прикладными исследованиями Берлинского технического университета, объединенными в блок “LongLife”, направленными на минимизацию техногенных воздействий на среду обитания человека. В данном случае ландшафт жилых территорий рассматривается в трех аспектах — пространственно-антропометрическом, планировочном, психолого-поведенческом. В последние пять лет плоскость исследования переведена в определение, что есть культурное наследие социалистического города. Наблюдается активизация конференций (Технический университет Дармштадт, 2019; Университет технологий и экономики Будапешта, 2015, 2017, 2019).

В целом складывается культурологическая формула города — регионального центра как города, в котором «можно вести здоровый образ жизни, есть шанс легкой мобильности — пешеходной, велосипедной, на общественном транспорте и даже на машине, если и там, где нет других возможностей; город, пригодный для жилья, это связь между прошлым и будущим... который сохраняет исторические знаки (особо ценные места, здания, планировку). В таком городе должно бороться против

уничтожения природных ресурсов, следует сохранять и передавать их нетронутыми для будущих поколений человечества <...>; и социальные и физические элементы (аспекты) должны “сотрудничать” совместно на благо и прогресс сообщества индивидуумов, где общественные пространства являются центрами социальной жизни и фокусами “целостного” (цельного, социально единого) общества. Такой город должен быть построен или реставрирован как продолжающаяся система — из центральных ареалов до наиболее удаленных поселений — где пешеходные и велосипедные пути связывают воедино все элементы “социального качества” и жизни сообщества»⁶.

В заключение несколько ремарок, позволяющих развить изучение поставленной проблемы.

В глобалистском подавлении обостряется необходимость локальной идентификации. Сточки зрения архитектурной науки можно выделить несколько методологий определения уникальности места, имеющих свою историографию и объективную обоснованность возникновения и развития от концепции до теории и прикладной разработки.

В практическом градостроительстве формируется тенденция «коммуникативного историзма» в реконструкции образа исторического города, но в современном понимании динамично «работающего» на благосостояние жителей, на комфорт среды обитания, на ментальную идентификацию, на брендинг города. В проектировании получил распространение девиз «Думай о глобальном, действуй локально» в стратегиях развития городов и населенных пунктов, связанный преимущественно с решением экономических и экологических проблем. Можно констатировать некоторые результаты его действия: исследователи пытаются распознать, что есть «свободное творчество», в котором важно определить, что есть движущая сила социального и экономического развития; исследователи констатируют, что локальные явления, акты, особенности — либо провоцируют, либо подтверждают глобальные.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁶ Hahlweg D. *The City as a Family*. 1997 // *The World Urban Forum*. Vancouver Working Group Discussion Paper. International Center for Sustainable Cities, 2006. P. 2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антюфеев А.В., Птичникова Г.А. Умный город, архитектура и человек // Социология города. 2019. №2. С. 6–13.
2. Кияненко К. Путеводитель по сферам социального знания в архитектуре и окрестностях // Архитектурный вестник. 2009. №3 (108). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archi.ru/press/issue_present.html?id=46 (дата обращения: 14.05.2020).
3. Крайняя Н.П., Кукина И.В. Жилая среда как объект исследования // Отчет о НИР «Тенденции развития парадигм жилой среды в середине XX — начале XXI века. (Теории, концепции и практика экспериментального проектирования)». М.: НИИТИАГ РААСН, 2011.
4. Нефедов В.А. Ландшафтный дизайн и устойчивость среды. Череповец: Полиграфист, 2002.
5. Птичникова Г.А. Архитектурное пространство в эпоху глобализации // Социология города. 2008. №1. С. 40–53.
6. Федченко И.Г. Современные морфотипы жилой среды, сложившиеся под влиянием динамических процессов жизнедеятельности в начале XXI века // Современная архитектура мира. Вып. 12. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 178–193.
7. Федченко И.Г., Унагаева Н.А. Тенденции формирования «экосоциального» профессионального и гражданского мышления в планировании ландшафта жилых территорий // Город, пригодный для жизни: материалы первой Международной научно-практической конференции «Современные проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна». Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 256–264.
8. Baum M., Christiaanse K. City as loft. Adaptive reuse as resource for sustainable urban development / gta Verlag. Zurich, 2012.
9. Conzen M.R.G. Alnwick, Northumberland: a study in town-plan analysis. London: Institute of British Geographers Publication, 1960. No. 27.
10. Hahlweg D. The City as a Family. 1997 // The World Urban Forum. Vancouver Working Group Discussion Paper. International Center for Sustainable Cities, 2006. P. 2.
11. Louis H. Die geographische Gliederung von Gross-Berlin // Landerkundliche Forschung — Krebs — Festschrift / H. Louis and W. Pauzer (eds.). Engelhorn, Stuttgart, 1936. P. 146–171.
12. Palej A. Architecture for, By and with Children: A Way to Teach Livable City. 2000. Conference paper.
13. Salzanj E. Seven Aims for the Livable City // The World Urban Forum. 2006. Vancouver Working Group Discussion Paper. International Center for Sustainable Cities, 2006. P. 36.
14. Whitehand J.W.R. Urban fringe belts — development of an idea // Planning perspective. 1988. No. 3. P. 47–58.

REFERENCES

1. Antyufeev A.V., Ptichnikova G.A. Umnyi gorod, arhitektura i chelovek // *Sociologiya goroda*. 2019. No. 2. Pp. 6–13.
2. Kiyanenko K. Putevoditel po sferam sotsial'nogo soznaniy v architecture i okrestnostyakh // *Arkhitekturnii vestnik*. 2009. No. 3(108). [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://archi.ru/press/issue_present.html?id=46 (data obrasheniya: 14.05.2020)
3. Krainyaya N.P., Kukina I.V. Zhelaya sreda kak ob'ekt modelirovaniya // *Otchet o NIR «Tendentsii razvitiya paradigm zhiloi sredi v seredine XX — nachale XXI veka»*. Moscow: NIITIAG, 2011.
4. Nefedov V.A. *Landshaftnyi design i ustoychivost, sredi*. Cherepovets: Poligrafist, 2002.
5. Ptichnikova G.A. Architectural Space in the Epoch of Globalization // *Sociologiya goroda*. 2008. No. 1. Pp. 40–53
6. Fedchenko I.G. Sovremennie morphotipi zhiloi sredi pod vliyaniem dinamicheskikh processov zhiznedeystelnosti v nachale XXI veka // *Sovremennaya arhitecture mira*. No. 12. Moscow; St. Petersburg, 2019. Pp. 178–193.
7. Fedchenko I.G., Unagaeva N.A. Tendentsii formirovaniya «ecosotsial'nogo» professional'nogo i grazhdanskogo mishleniya v planirovani landshafta zhilikh territorii // *Gorod progodnyi dlya zhizni: materialy konferentsii «Sovremennye problem arhitecture, gradostroitelstva, disigna»*. Krasnoyarsk: SFU, 2013. Pp. 256–264.
8. Baum M., Christiaanse K. *City as loft. Adaptive reuse as resource for sustainable urban development / gta Verlag*. Zurich, 2012. 386 p.
9. Conzen M.R.G. Alnwick, Northumberland: a study in town-plan analysis. London: Institute of British Geographers Publication, 1960. No. 27.
10. Hahlweg D. The City as a Family. 1997 // *The World Urban Forum*. Vancouver Working Group Discussion Paper. International Center for Sustainable Cities. 2006. P. 2.
11. Louis H. Die geographische Gliederung von Gross-Berlin // *Landerkundliche Forschung — Krebs — Festschrift / H. Louis and W. Pauzer (eds.)*. Engelhorn, Stuttgart, 1936. Pp. 146–171.
12. Palej A. *Architecture for, By and with Children: A Way to Teach Livable City*. 2000. Conference paper.
13. Salzanj E. Seven Aims for the Livable City // *The World Urban Forum*. 2006. Vancouver Working Group Discussion Paper. International Center for Sustainable Cities. 2006. P. 36.
14. Whitehand J.W.R. Urban fringe belts — development of an idea // *Planning perspective*. 1988. No. 3. Pp. 47–58.